

— **М**арс, Марс, вас вызывает Земля! Марс!

— Слушаю...

— Здравствуйте, многоуважаемый Марс! Вас беспокоит редакция «Искателя». У нас в первом номере была напечатана беседа с Луной. Теперь подошла ваша очередь.

Из космических далей доносится явственный тяжелый вздох.

— Что такое? Вы, кажется, не очень обрадованы нашей просьбой о коротеньком интервью? Почему?

БЕСЕДА С МАРСОМ

Рисунки В. Стацинского

— Надоело слушать и читать о себе всяческие небылицы. Все началось с имени. Ну за что, спрашивается, древние греки и римляне окрестили меня в честь бога войны? Только за красноватый цвет моей поверхности? С этого и пошло: «Кржавый Марс», «Зловещий Марс»! Моих спутников вы заметили в телескопы только в 1877 году — казалось бы, ваша цивилизация уже достигла определенной зрелости, — а ничего лучше не придумали, как назвать их Фобосом и Деймосом. Страх и Ужас — ничего себе, приятную компанию вы мне устроили...

— Стоит ли обижаться? Зато вас лучше всех из планет знают на Земле.

— Спасибо за такую известность. Многим лишь кажется, что они меня знают. Только услышат мое имя, как начнут восклицать наперебой: «Ах, Марс! Каналы! Аэлиты!» А всем ли известны бесспорные факты, давно установленные учеными? Ну вот вы, например, скажите, насколько мой год длиннее земного?

— Почти в два раза, кажется.

— Кажется... Почти... Разве можно так выражаться сейчас, в век космических скоростей и атомной точности?! Каждому школьнику, мечтающему о межпланетных полетах, пора бы знать, что мои сутки содержат 24 часа 37 минут и 22,4 секунды, а мой год равен 1,88 земного.

— Но ведь это установлено давно, а нас, естественно, больше интересуют ваши загадки. Например...

— Знаю, о чем вы сейчас спросите! Даже пари готов держать. Во время великих противостояний, когда нас разделяет всего каких-то 55 миллионов километров, я читаю этот вопрос на афишах, появляющихся буквально в каждом вашем городе и поселке: «Есть ли жизнь на Марсе?» Верно?

Беседа на миг прерывается, потому что в эфире звучат, с одной стороны, смущенное покашливание нашего корреспондента, а с другой — космический смех.

Кончив смеяться, Марс ехидно произносит:

— В связи с этим у меня есть встречный вопрос к вам, землянам. Почему на многих афишах с этим избитым вопросом нередко приписано: «После лекции — танцы»? Эта проблема меня, признаться, мучает. Или танцы у вас служат особой формой познания? А может, просто без них трудно заманить людей на лекцию, где в сотый раз повторяется то, что всем известно?

— Для этого мы и попросили у вас интервью, дорогой Марс. И понятно, что проблемы жизни на других планетах особенно интересуют людей Земли. Что вы можете рассказать об этом нового?

— О, тут есть очень интересные новости. Как вы знаете, Г. А. Тихов успешно отстаивал гипотезу, предполагающую, что мой так называемые «моря» — это участки, покрытые растительностью. До сих пор главным аргументом противников такой гипотезы были данные спектрографии. Для земных растений характерно обязательное присутствие в спектре поглощения линии хлорофилла и вдобавок сильное увеличение яркости в инфракрасной части спектра. Спектральный анализ моих «морей» ничего подобного не показывал.

Тогда Тихов высказал догадку о том, что моя растительность должна, видимо, сильно отличаться от земной, она способна поглощать инфракрасные лучи, чтобы сберечь тепло, которого у меня так мало. При этом линия хлорофилла в спектрах должна расширяться, и ее трудно заметить при наблюдении с Земли. Тихову и его помощникам удалось даже найти на Земле растения с примерно таким же спект-

ром поглощения, какой получался при исследовании моих «морей»...

— Простите, что я вас перебиваю, но ведь это тоже не ново. Идеи Г. А. Тихова известны во всем мире.

— Верно. Но без этого предисловия нельзя говорить об открытии, которое недавно сделал американский астроном В. Синтон. Наблюдая несколько лет за моими «морями» в инфракрасной области спектра, он получил три интереснейших полосы поглощения, которые, оказывается, имеются в спектрах многих земных растений. Больше того, эти полосы поглощения присущи всем органическим молекулам типа СН! Вы понимаете, что это значит?

— Да. Если раньше данные спектрального анализа служили главным возражением против гипотезы существования жизни на Марсе, то теперь, наоборот, они становятся решающим доказательством этой гипотезы.

— Совершенно правильно.

— Значит, вас можно поздравить, дорогой Марс...

— Меня-то, пожалуй, не с чем, ведь я об этом знал. А вот ваших ученых надо, конечно, поздравить с замечательными открытиями. Число их с каждым годом растет. Изучив множество фотографий, сделанных в разных лучах спектра, харьковские астрономы доказали, что поверхность моих «морей» и «суши» разная. У «суши» она гладкая, а у «морей» — очень неровная.

— Это так же может служить доводом в пользу того, что ваши «морья» покрыты растительностью? И разница температур, кажется, доказывает то же самое?

— Да, сотрудники Харьковской астрономической обсерватории ухитрились поставить градусник моим «морям» и узнали, что температура в этих местах на 10—15 градусов выше, чем у «суши».

— И это подтверждает окончательно, что ваши «морья» покрыты растительностью, не так ли?

— Да. Теперь исследователи спорят уже о другом: что это за растительность? На основе поляризации отраженного света моих «морей» французский астроном О. Дольфус пришел к выводу, что растительность их должна напоминать земные лишайники. Его поддержал американец Д. Койпер, считающий, что в моем суровом климате вообще не могут выжить растения более высокой организации, чем лишайники и мхи. Но многие исследователи не согласны с этим, потому что у некоторых высших растений на Земле, например у хвойных и лиственных, отражательная способность весьма напоминает ту, которая наблюдается у моих «морей».

— Это очень интересно! И, кажется, ваши марсианские «леса» или «луга» — не знаю, как их лучше назвать, чтобы вас не обидеть, — начинают постепенно расширяться? Еще в 1954 году американский астроном Слейфер заметил новое темное пятно на вашей поверхности...

— Было бы удивительно, если бы его не заметили. Ведь по площади оно почти равно Украине.

— Оно существует вот уже семь лет и год от года становится темнее. Что же это такое — лес, болотистая равнина или, может, обработанное поле?

— Этого я вам не скажу. И не потому, что не хочу. Просто у меня совсем другие природные условия, чем у вас, на Земле. И природные явления, следовательно, иные, не похожие на земные. Я-то знаю, конечно, что из себя представляют мои «моря». Но как назвать их на вашем языке, как объяснить вам, что это такое, с чем сравнить для наглядности из земных явлений, не знаю.

Но вы не огорчайтесь, а лучше следите за ними в свои телескопы. Вы уже подметили, что «моря» явно изменяются по сезонам; в одном месте возникают, в другом постепенно исчезают. Разве это не доказывает, что они живут?

— Итак, на вопрос, есть ли жизнь на Марсе, мы можем твердо отвечать: органическая жизнь есть!

— А почему бы ей не быть? Условия для нее на моей поверхности, прямо скажем, не сахарные: воздух разрежен по сравнению с земным раз в восемь-девять и почти лишен кислорода, температура за сутки скачет от двадцати пяти градусов тепла до семидесяти градусов мороза. Но вы создали такие же условия на Земле и убедились, что они вовсе не убивают жизнь.

— Вы имеете в виду лаборатории?

— Да, в лаборатории. В одной из них создали в камере такие условия, что я бы чувствовал себя как дома. И что же? Оказалось, что при низких давлениях, при температуре минус 70 градусов и влажности всего в полпроцента в почве сохранилось свыше сотни тысяч вполне жизнеспособных микроорганизмов! И самое главное: все эти бактерии очень быстро приспосабливались к большим скачкам температуры, влажности, давления и даже в атмосфере из чистого азота превосходно росли и размножались.

— «Жизнь — явление упорное», — так, кажется, любил говорить Г. А. Тихов...

— И ведь это ваша, земная жизнь. Могут быть организмы и более закаленные. Но поговорим о «суше».

О ней меньше пишут, но в науке чаще идут споры о том, из каких пород состоит моя поверхность. Только недавно французский астроном О. Дольфус, о котором я уже упоминал, опять-таки на основе изучения поляризации света, пришел к выводу, что мои «матерьяки» покрыты измельченными породами типа земных лимонитов.

— А ваши полярные «шапки»? Изучают их давно, но пока исследователи так и не договорились окончательно, что же это такое — снег или застывшая углекислота, vro-

де нашего искусственного льда, каким наполняют свои ящики мороженщицы.

— Чтобы понять это, вам придется сначала хорошенько изучить состав моей атмосферы. Пока вы только узнали, что в ней углекислого газа вдвое больше, чем в земной. А кислорода и водяных паров в тысячу раз меньше, чем в воздухе, которым вы дышите. Это показал спектральный анализ, но точность его сами ваши исследователи ставят под сомнение.

— Значит, в основном ваша атмосфера состоит из азота? Не слишком уютно...

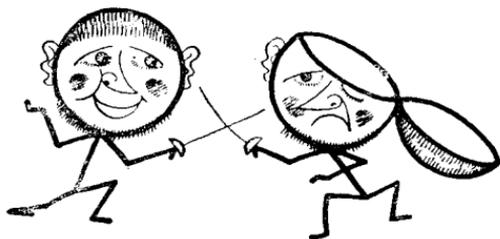
— Зато красиво: красные пустынные равнины, фиолетовое небо, ледяные перистые облака, словно сделанные из стеклянной ваты... Горизонт покажется вам, наверное, непривычно близким. Я ведь почти в полтора раза меньше Земли, поэтому мою шарообразность можно, так сказать, увидеть простым глазом. А как украшают мое небо верные спутники! Особенно резвится Фобос. Он восходит не на востоке, а на западе и движется так быстро, что за сутки успевает дважды обежать вокруг меня!

— Кстати, о ваших спутниках...

— Опять вы за свое.

— Но вы же сами заговорили о них.

— Как о реально существующих небесных телах, и только. А вы ведь, знаю, куда клоните: правда ли, что они полые внутри, а если так, кто их построил... Не был я у них внутри. Они вокруг меня исправно летают, повинаясь законам небесной механики, и с меня этого достаточно. А что у них внутри, разбирайтесь сами!

— Но ведь как раз из-за некоторых странностей в движении ваших спутников и возникли споры. И Фобос и Деймос почему-то имеют такое ускорение, какое несколько противоречит законам небесной механики. Именно поэтому советский ученый И. Шкловский и выдвинул гипотезу, будто ваши спутники полые внутри, а следовательно, искусственного происхождения...

— А другой советский ученый, профессор Н. Парийский, разве не доказал столь же точными расчетами, что особенности движения моих спутников можно объяснить и чисто

природными условиями, — например, приливным взаимодействием со мной?

— Но это справедливо лишь при определенной гипотезе о вашем собственном внутреннем строении, которое также пока не доказано...

— Ага, теперь вы хотите, чтобы я рассказал, что у меня внутри!

— Хорошо, хорошо, оставим это. Со временем мы все равно подвергнем вас «рентгену». А что из себя представляют загадочные фиолетовые туманы, которые, как показали последние исследования, нередко затягивают вашу поверхность, особенно на границе света и тени, в районе так называемого терминатора?

— Вы уже и это заметили? Как вам объяснить... Природное явление.

— Какое именно? В чем оно заключается?

— Я же вам говорил, что природные условия у меня так отличаются от земных, что я не в силах многое объяснить. Могу я иметь свои собственные, неповторимые, для вас совершенно необычные природные явления? Хозяин я в конце концов своей атмосферы или нет?!

— Конечно, конечно, дорогой Марс, не стоит так из-за этого волноваться. Мы очень вам признательны за беседу.

— Как, вы уже все спросили?

— Да, пожалуй, в основном все...

— И вас больше ничего не интересует?

— Как-нибудь в другой раз...

— Да нет, уж спрашивайте до конца. Я же прекрасно вижу, какой вопрос так и вертится у вас на языке. Не стесняйтесь!

— Ну, если вы так любезны... Я боялся, что это вас снова рассердит...

— Про каналы, да? Конечно!.. Без этого вы не можете жить спокойно и мне не даете. Прошло уже почти семьдесят лет, как Скиапарелли впервые высказал мысль, что мои «каналы» — искусственные сооружения, и с тех пор ваши фантасты не унимаются.

А ведь сам Скиапарелли свою статью предусмотрительно начал осторожной фразой: «Раз в году можно безумствовать». Раз в году, так и быть, но нельзя же до бесчувствия!

— Но согласитесь, уважаемый Марс, что если идея так живуча, значит для этого есть основания. И недаром ее подерживали даже такие крупные ученые, как Ловелл, Тихов и другие. За последние годы были замечены и сфотографированы даже совершенно

новые, недавно возникшие «каналы». Они образуют такие аккуратные узоры, что трудно отделаться от мысли, будто это не искусственные сооружения.

— И цвет их меняется по сезонам, словно по ним от полюсов к экватору идет весной вода. Это вы заметили?

— Ну, за настоящие каналы теперь уже никто их не принимает. Но, может быть, это все-таки какие-то искусственные оросительные трубопроводы, проложенные в почве?

— А круглые пятнышки в местах пересечения «каналов» вы хорошо рассмотрели?

— Да, наши астрономы называют их «оазисами». Условно, конечно... Есть ли там города, как предполагают некоторые? Кто в них живет?

— Города... Марсиане... Трубопроводы... Я знаю, кто все это пишет. Кандидат педагогических наук Ф. Зигель, верно? У него даже целая книжка есть — «Загадки Марса»...

— Но он вовсе не одинок, эти гипотезы волнуют многих...

— А яркие вспышки на моей поверхности вы заметили?

— Да, их наблюдают за последние годы нередко. Ослепительные белые точки, внезапно возникающие в разных местах и затухающие через несколько минут, а то и секунд, это вы имеете в виду?

— Как их объясняют ваши ученые?

— Пока, насколько мне известно, никаких правдоподобных объяснений этому странному явлению не найдено. Очень бы хотелось узнать о нем от вас...

— Очень?

— Очень!

— А я не скажу. Ни про вспышки, ни про спутники, ни про «каналы». Прилетайте сами и посмотрите! Есть «каналы», так искупаются в них, нет — так сами устройте... Добро пожаловать! Честно говоря, я очень жду этого часа. Ведь вы, советские люди, добились громадных успехов в освоении космоса! До меня дошли сведения, что 16 марта и 6 апреля 1962 года запущены новые искусственные спутники Земли. Ученые получают новые сведения о верхних слоях атмосферы и космическом пространстве. Но ведь запуск этих спутников — лишь часть осуществляемой Советским Союзом программы исследования космоса! Я знаю, что для ее выполнения в 1962 году с различных космодромов вашей страны будет произведена серия запусков искусственных спутников Земли. Да, я с нетерпением жду нашей встречи. Напоминаю: в августе 1971 года очередное великое противостояние.

А может быть, вы прилетите пораньше, а?

*Записано
почти со стенографической точностью
Г. ГОЛУБЕВЫМ*